

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 3. С. 230–246.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2023. Vol. 6, no. 3. P. 230–246.

Обзорная статья / Review article

УДК 94(47).06

doi:10.17323/2658-5413-2023-6-3-230-246

РОССИЯ И ЕВРОПА XVIII ВЕКА В ОБЩЕМ ПОРЯДКЕ МИРА

Обзор международной научной конференции

Ренард Тимурович Девликамов

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

Москва, Россия, renardik2003@gmail.com

Благодарности: Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Девликамов Р. Т. Россия и Европа XVIII века в общем порядке мира // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 3. С. 230–246. doi:10.17323/2658-5413-2023-6-3-230-246.

Academic Life. Reviews

RUSSIA AND EUROPE OF THE 18th CENTURY IN THE GENERAL
ORDER OF THE WORLD

The review of the International Scientific Conference

Renard T. Devlikamov

National Research University “Higher School of Economics” (HSE University),

Moscow, Russia, renardik2003@gmail.com

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Devlikamov, R. T. (2023) “Russia and Europe of the 18th century in the general order of the world”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 6(3), pp. 230–246. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2023-6-3-230-246.

Международная научная конференция «Россия и Европа XVIII века в общем порядке мира», организованная Международной лабораторией исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (МЛРИД НИУ ВШЭ), прошла 26–27 мая в смешанном формате. Она была посвящена осмыслению создания, укрепления Российской империи и ее введения в *общий порядок мира*, сложившийся в XVIII столетии. Перед участниками конференции стояли две большие интеллектуальные задачи. Во-первых, выяснение содержания концепта «общий порядок мира». Во-вторых, анализ значимых преобразований в культуре и социуме XVIII века Европы и России, которые создали саму возможность выстраивания этого порядка. Историческая дистанция между Россией и Европой почти в тысячелетие определила многие проблемы молодого имперского государства. Два сословия Российской империи от Петра до Екатерины получили новые обязанности и права в государственном порядке страны: крестьяне — обязанности крепости земле и полное отсутствие личных прав (был создан очевидный тормоз городской промышленной России, где государственные крестьяне не стали ресурсом для развития частной собственности); дворяне по «Жалованной грамоте...» Екатерины II получили право на полную свободу от обязанности несения всех государственных служб (что открыло возможности для светских форм досуга и постепенно рождающегося публичного интеллектуального пространства столичного и поместного дворянства). Закономерен вопрос: удалось ли России на протяжении XVIII века войти в сложившееся противоречивое пространство соперничающих государств Европы? Как воспринималась Россия в европейских правящих кругах и обществе? Объединив усилия философов, историков, литературоведов, политологов, социологов и других специалистов, конференция создала интеллектуальную платформу, связавшую разные направления, подходы, страны и поколения при обсуждении сложного процесса выстраивания общего порядка мира, столь актуального в нелегком 2023 году.

Открыл международную конференцию д-р филос. наук, ординарный профессор НИУ ВШЭ, заведующий МЛРИД НИУ ВШЭ *Владимир Карлович Кантор* (Москва). Как заметил позже Ф. А. Гайда, конференция началась с программной речи библейского размаха, задавшей тон всем последующим выступлениям. В. К. Кантор назвал XVIII век невероятным, ведь именно тогда Россия из объекта западных наблюдений превратилась в субъект европейской истории, поразивший Европу. Если XVII век был для России веком непродуктивным, «бунташным», когда цари бегали от восставших солдат и мужиков, когда страна могла попросту развалиться, то XVIII столетие подарило нам счастливый случай — Петра, приступившего в начале века к строительству *государства*. Екатерина II к концу столетия утвердила созданную Петром Россию. Таким образом, именно в XVIII веке Россия заявила о себе, во что не верил ни Запад, ни сама Россия. Однако ярким доказательством того, что эта эпоха была невероятной для страны, стало явление А. С. Пушкина, «нашего всего», который несомненно был дитятей XVIII столетия.

Первый доклад прочитал д-р ист. наук *А. Б. Каменский* (факультет гуманитарных наук (ФГН) НИУ ВШЭ, Москва). Тема доклада исчерпывающе отражена в его названии: «Россия и Европа vs “Россия есть европейская держава”». По мнению автора, во второй половине XVIII века Россия и Европа представляли единое интеллектуальное пространство, недаром наказ Екатерины звучал именно так: «*Россия есть европейская держава*». Это значит, что сама постановка вопроса «Россия и Европа» создает искаженную перспективу, что свидетельствует о ее непродуктивности и тупиковости. Тем самым мы отделяемся от Европы, сомневаемся в том, являемся ли ее частью. Во время дискуссии Ф. А. Гайда возразил докладчику и сказал, что существует проблема соотношения части и целого и постановка вопроса «Россия и Европа» имеет место быть по крайней мере в этой плоскости. Однако А. Б. Каменский настаивал на том, что такая формулировка научной проблемы предполагает априори определенные ответы, с чем согласился В. К. Кантор.

Следующий доклад был прочитан д-ром ист. наук *Ф. А. Гайдой* (исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва). Его основное исследовательское поле — рубеж XIX–XX веков. На первый взгляд люди, которых он изучает, оперировали ясными нам понятиями, но на самом деле часто они вкладывали в них другой смысл. Одним из главных официальных понятий начиная с XVIII века является «империя». С ним и решил разобраться докладчик. Известно, что империей Россия стала называться в 1721 году и принятие титула императора делалось на римский манер. Для русских правителей это не было новшеством, так как за рубежом их часто называли императорами и

до 1721 года. В некоторых документах встречается обоснование, по которому Россию называли империей: все дело в том, что она большая. До 1780-х годов в официальных документах империей называли не российское общество в целом, не территорию страны, а именно верховную власть. Во время дискуссии данный тезис подтвердил М. Ю. Анисимов, он сказал, что понятие империи в официальных документах XVIII века встречалось редко, но если встречалось, то только в значении государственной власти. Ф. А. Гайда считает, что новое наполнение данного понятия возникает при Екатерине II, увлекшейся в 1780-е годы трудами немецкого философа и юриста С. Пуфендорфа. Так, в «Жалованной грамоте дворянству...» власть отождествляется с отечеством и всеми подданными, объединенными вокруг престола. При обсуждении доклада А. Б. Каменский отметил важность темы, которую поднял Федор Александрович, так как она отражает переосмысление понятия государства в России.

Доклад д-ра ист. наук *Л. Б. Сукиной* (Институт программных систем им. А. К. Айламазяна РАН, Переславль-Залесский) был посвящен гравюре на титульном листе книги «Алфавит собранный, рифмами сложенный от святых писаний из древних речений» (1705) черниговского архиепископа Иоанна Максимовича. Издание было «подносным» и адресовалось самому государю и наследнику престола Алексею Петровичу. Будучи в курсе политических дел в Русском государстве начала XVIII века, Иоанн Максимович знал, как угодить Петру, недавно демонстративно порвавшему со средневековыми традициями Московского царства и начавшему строить новую столицу на северо-западе страны. В отличие от спиритуальных царских родословий XVII столетия, в основе которых лежал иконописный образ «древа Иессева», в лозе из «Алфавита» использованы композиционная схема и стилистика, известные по светским родословным древам европейских властителей. «Святые предки» находятся только у корня, остальные изображенные — реальные члены семьи Петра I, включая одну женскую персону. В докладе Л. Б. Сукина раскрыла семантику данной композиции и дала ее историко-культурную интерпретацию.

Д-р филос. наук *М. С. Киселева* (МЛРИД НИУ ВШЭ, Москва) прочитала доклад о проповеди Стефана Яворского 1704 года, в которой, по ее мнению, реализовалась идея общего блага в «благочестивом царстве». Данная проповедь была связана с триумфальным шествием Петра. Марину Сергеевну интересовал вопрос: как в проповеди можно увидеть идею общего порядка мира, которой посвящена конференция? Как этот порядок мира был осмыслен Стефаном Яворским? Тема проповеди взята из первой главы пророка Иезекииля. Этой же темой Стефан встречал 1703 год. В новой проповеди он говорит о колесах, из которых рождается социальная структура общества (в 1703 году он соеди-

нил образ колесницы с монархией). По всей видимости, Стефана вдохновляла идея Августина о возможном соединении Града Божьего в праведных делах Града Земного, и для этого в земном мире должен быть свой порядок. Опорой земного мира является *подвижная часть*, что обозначает переход Московского царства к новой стране, за строительство которой взялся Петр. Также внутренняя динамика появляется в понимании чинов, символами которых являются четыре колеса, образующие колесницу. Объединяются все чины царем: он символ государства. Первый, высший чин только носит бремя и трудится не на себя, а на царство. Ось колеса отражает срединное положение аристотелевского блага. Колесо, помимо прочего, используется Яворским в качестве метафоры катящейся к своему концу жизни человека. Второе колесо — чин воинов, которых он одаривает красочными эпитетами. Стефан подкрепляет свои рассуждения примерами из истории и таким образом поддерживает Петра, начавшего долгую и тяжелую войну с Швецией. Третье колесо обозначает духовные чины. Это колесо едва касается земли, что говорит о месте духовных чинов на небесах. Четвертое колесо — простонародье. Его автор неоднократно называет «скрыпчивым». Стефан очень строг к четвертому чину, но все же предостерегает власть от слишком сильного обременения народа. Завершается проповедь молитвой за благополучие царства и живое движение колесницы. Таким образом, при внимательном изучении в проповеди просматривается иерархическая система, отражающая выстраивающийся порядок в Российском государстве.

Закрывал работу первой секции доклад канд. ист. наук *М. Ю. Анисимова* (Институт российской истории РАН, Москва) о России в европейской системе международных отношений времени правления Елизаветы Петровны. Итогом внешней политики России при Елизавете Петровне, считает Анисимов, стало убеждение в том, что с ней нужно считаться. Дипломатия Елизаветы Петровны, в отличие от ее предшественников, действовала в новых обстоятельствах — в Европе стремительно вырвалась в число великих держав прежде малозаметная Пруссия. Две новые великие державы XVIII века столкнулись в общих сферах влияния, и обе опасались противодействия друг друга своим планам. Принятое Елизаветой Петровной в 1745 году решение использовать любую войну в Европе для войны против Пруссии стало главной внешнеполитической идеей ее царствования, которая столкнет обе страны друг с другом в рамках Семилетней войны 1756–1763 годов. И до, и во время нее русская и прусская дипломатии с переменным успехом вели борьбу в сопредельных с Россией странах. Семилетняя война, ставшая апогеем и развязкой кризиса, вызванного вхождением в число великих держав России и Пруссии, установила

новый международный порядок, исследованию которого и было посвящено данное мероприятие. Во время обсуждения А. Б. Каменский не только высоко оценил доклад, но также подчеркнул, что публикации Анисимова создали в отечественной историографии новое представление о месте России в системе международных отношений XVIII века.

Вторая секция открылась докладом *В. К. Кантора*, в котором он проанализировал творчество историка, писателя и поэта Н. М. Карамзина. Начиная с «Писем русского путешественника», современники воспринимали его как очевидного западника и сторонника республиканского правления. Карамзин говорил, что русские люди спокойно могут принимать европейские новшества, ибо человек должен брать все лучшее, независимо от того, где оно возникло. Однако Французская революция, ее чудовищная жестокость обратили взор Карамзина к опыту российского государства. Он становится сторонником и апологетом просвещенной самодержавной монархии, вызывая недовольство либеральных друзей. На все упреки Карамзин ответил своим великим трудом — «Историей государства Российского», когда, как писал Пушкин, Россия, казалось, «найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом». В. К. Кантор пришел к выводу: Карамзин, наряду с Пушкиным и Чаадаевым, стал тем, кто создал культурные смыслы в России. Все, что последовало далее, было результатом их невероятной инициативы. В ходе дискуссии И. Н. Лагутина отметила, что Карамзин при всех его заслугах не выступал с европейскими интеллектуалами на равных, а был в Европе скорее как скиф, и, быть может, поэтому не осмелился встретиться с Гёте. В. К. Кантор согласился с тем, что Карамзин, конечно, был скифом, но *скифом с чувством собственного достоинства*, умевшим задавать вопросы не униженно и тем самым становившимся на равную с европейцами ступень.

Д-р филол. наук *Е. В. Казарцев* (ФГН НИУ ВШЭ, Москва) в своем докладе рассмотрел тезис о том, что замыслом Петра было основать Санкт-Петербург с садом, который занимал бы центральное положение, как географическое, так и идейное. В этом докладчику виделась библейская аллюзия, делавшая Россию со столицей в Петербурге новым Израилем. Павел I, по всей видимости, встраивался в концепцию Петра, когда построил свой дворец рядом с Летним садом. По мнению докладчика, делают идею Петра уникальной два факта: громадный масштаб Летнего сада (в планах сад располагался от Итальянской улицы до Невского проспекта) и его расположение (на пересечении нескольких рек), что не имеет никаких аналогов ни в допетровской Москве, ни даже в европейских столицах. И. Н. Лагутина поинтересовалась, не было ли в названии Летнего сада символического противостояния северу и зиме. Казарцев допустил

такую возможность, но склонился к замыслу Петра сделать сад своей летней резиденцией. Также И. Н. Лагутина обратила внимание на мотив ограниченности сада зимой — это снова напоминает райский сад, который тоже имел свои границы. Докладчик развил данный тезис, сказав, что сад действительно окружен со всех сторон водой и вода может являться символом хаоса, внутри которого находится гармонический рай.

Д-р филол. наук *А. Г. Гачева* (Институт мировой литературы РАН, Москва) выступила с докладом о космизме, антропологизме и универсализме в русской философской поэзии XVIII века. Были представлены этапы рождения темы «Человек и Вселенная» в русской философской поэзии XVIII века. В «Утреннем...» и «Вечернем размышлении о Божием величии» М. В. Ломоносов представляет образ безграничного Мироздания, побуждающего ум человека вопрошать об устройении мира. Образ Универсума, исполненного Божественной славы и красоты, вмещающего творческую, разумную жизнь, появляется у В. К. Тредиаковского, М. М. Хераскова, Г. Р. Державина. Космические мотивы неразрывно сплетаются в их поэтическом наследии с религиозными, питаются вдохновенным космизмом Ветхого завета, где универсализм тесно связан с антропологизмом, с «оправданием человека», поставленного Господом владыкой всякой твари. Поэты XVIII века утверждали неколебимый смысл мира и человека, высшую целесообразность бытия, истории, творчества, затрагивающего не только область изящных искусств, но и науку. В программном «Письме о пользе стекла» (1752) М. В. Ломоносова человек предстает как деятель в мироздании, который пронизывает умом в глубины Божественного творения, познает причины явлений, создает новые реальности. Он не только подражает природе, но подчас и превосходит ее созданиями рук своих. Мыслитель-энциклопедист не соглашается с трактовкой образа Прометея как богоборца, узурпировавшего то, что по праву предлежит лишь Божеству. Подлинными богоборцами, убеждает он своих современников, являются лицемеры с их напускным благочестием, фарисейским превозношением над опытным знанием.

Доклад *Н. С. Чижкова* (Институт философии РАН, Москва), закрывший вторую секцию конференции, тоже был посвящен Н. М. Карамзину, а именно влиянию, которое оказали на него немецкие философы. Воздействие немецкого Просвещения оказалось определяющим при формировании взглядов Карамзина на природу человека и общества. Немецкое Просвещение разрабатывало в первую очередь вопросы нравственного и интеллектуального совершенствования человека. Немецкая мысль сосредоточила внимание на исследовании природы разума и нравственного закона, чувства прекрасного и возвышенного, понятий свободы и долга, то есть на всех тех вопросах, которые можно

назвать философско-антропологическими. Соответственно и подход к исследованию общества и государства основывался не на политической доктрине, а скорее на философском учении о человеке, его разуме и нравственности, способности жить своим умом в союзе с такими же разумными и нравственными существами. Вся эта тематика, как показал докладчик, оказывается и в центре внимания Н. М. Карамзина.

Третью секцию открыла д-р филол. наук *И. Н. Лагутина* (ФГН НИУ ВШЭ, Москва). В докладе были проанализированы литературные сюжеты в переписке Екатерины II и немецкого врача-философа И. Г. Циммермана (в частности, речь шла о философских трактатах Циммермана и антимасонских сочинениях императрицы). Выступающая использовала неизвестные материалы из русских и немецких архивов. По многим вопросам позиции Циммермана и Екатерины были противоположны, часто они не понимали друг друга. Лагутина обратила также внимание на обнаруженное в архиве последнее письмо Циммермана Екатерине! Т. В. Артемьева выразила благодарность докладчику за то, что та обратила внимание на малоизученного Циммермана. Также она спросила, в каком статусе Циммерман ездил к больному Фридриху II — как врач или все же как философ? Ирина Николаевна выразила уверенность в том, что Фридрих принимал Циммермана как собеседника и философа, но не как врача.

Внимание следующего докладчика, д-ра ист. наук *Е. Б. Смилянкой* (ФГН НИУ ВШЭ, Москва) переместилось из Германии в Британию. Елена Борисовна рассказала о том, как Екатерина II в дипломатической игре «переиграла» Георга III. Хорошо известно, что в XVII–XVIII веках Россия была важным для Британии экспортером, прежде всего для нужд парусного флота, и не только. Статус британской колонии в Санкт-Петербурге, защита британской торговли в России, консульская служба — предметы постоянных забот правительства Туманного Альбиона, и по завершении действия одного торгового договора британские дипломаты спешили заключить следующий. Такая коллизия с торговым договором повторилась и в начале правления Екатерины. С некоторой заминкой он был успешно подготовлен послом Дж. Маккартеем и заключен в 1766 году. Однако после Семилетней войны (ныне исследователи рассматривают ее как первый образец мировых войн) роль России для Британии измерялась уже не только ее ресурсами, но и военно-политическим весом. Перед самым началом Русско-турецкой войны 1768–1774 годов Россия и Британия обменялись посольствами самого высокого уровня, демонстрируя всей Европе серьезность намерений вступить в союзные отношения, к большому недовольству Бурбонских и Габсбургских дворов. Чего ждали от подобного союза

правительства двух империй? Почему союзу так и не суждено было случиться (по крайней мере до 1795 года, когда он все-таки был заключен, но и то лишь на короткий срок)? Что Екатерина II сумела получить от Британии, лаская ее дипломатов и правительство надеждами на выгодный “Alliance”? На основе архива донесений британского посла при российском дворе Чарльза Каткарта (1768–1772; документы из Национального архива Британии) Смилянская рассмотрела механизмы игры дипломатов и политиков, причины их просчетов и последствия крушения их амбиционных планов.

Следующий доклад прочитала аспирант Школы исторических наук НИУ ВШЭ *М. С. Петрова* (ФГН НИУ ВШЭ, Москва)¹. Она обратилась к идеям эпохи Просвещения в ранних реформах суда и следствия Екатерины II. За время своего правления она провела ряд реформ в различных сферах государственной жизни, коренным образом изменив принципы, на которых основывалось управление государством. Известно, что Екатерина II была привержена идеалам эпохи Просвещения, которые становились ориентиром для реформаторского курса императрицы. Именно доктрина Просвещения давала важнейшие моральные принципы, на которых базировалась политика Екатерины II. Изменение судебно-следственного процесса традиционно связывают с ее реформами 1770–1780-х годов, но при детальном изучении законодательных источников первого периода правления императрицы становится очевидно, что основы будущих изменений были заложены в первые годы ее власти. В ранних указах прослеживается риторика, соответствующая идеалам эпохи Просвещения, и именно эти нормативно-правовые акты, войдя в практику, сделали возможным дальнейшее реформирование суда и следствия. *М. С. Петрова* изучила не только законодательный материал, но и реализацию первых реформ — как они фиксировались в материалах уголовного судопроизводства, то есть как просвещенческие идеалы были воспроизведены в низовой практике.

С докладом о формировании языка естественных и технических наук в российском натурфилософском дискурсе XVIII века выступила д-р филос. наук *Т. В. Артемьева* (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург). В натурфилософском дискурсе эпохи Просвещения шел сложный процесс унификации научного языка, приведения его в соответствие с международной терминологией. На этом этапе были введены в оборот такие понятия, как эксперимент, гипотеза, теория, закон, метод, классификация и др. При этом достаточно часто мыслители, особенно за пре-

¹ Текст доклада опубликован в этом номере.

делами академических институтов, активно использовали метафоры или создавали терминологию, не носящую универсального характера, не вписанную в международную традицию и работающую лишь в пределах их собственных текстов. Это создавало сложности как для перевода на русский язык научных сочинений западных авторов, так и для внутренней коммуникации ученых на русском языке. Ситуация усложнялась взаимосвязью научного и философского дискурсов, формированием новых дисциплин, каждой из которых требовался собственный набор основных понятий. В это же время появилась потребность научного описания технико-технологических процессов, что породило новый круг проблем, связанных с созданием языка, сочетающего универсальность со спецификой описываемого предмета или процесса.

В сферу медицины перенес участников и слушателей конференции доклад магистранта НИУ ВШЭ *Т. С. Белкиной* (ФГН НИУ ВШЭ, Москва). Темой ее исследования стала борьба Екатерины II с эпидемиями чумы и оспы. Оспа, одна из страшных болезней в истории человечества, лечилась в XVIII веке вариоляцией — гной больного вкладывался в ранку пациента, который заболел оспой в легкой форме и зарабатывал впоследствии иммунитет. Но в Европе этот способ был принят с большим недоверием, и эпидемия оспы представляла большую угрозу. В 1768 году Екатерина II решила вакцинироваться. Сначала английский врач Томас Димсдейл хотел убедиться в подходящем телосложении императрицы, но вакцинация двоих кадетов морского корпуса оказалась unsuccessful. Однако Екатерина II настояла на процедуре, и она удалась. Затем Димсдейл привил ее сына Павла. Вольтер восхищался прививочной кампанией Екатерины и сказал, что она подала пример французам. Помимо оспы императрица боролась с эпидемией чумы. В 1770-е годы чума проникла в Россию из Турции. Екатерина предпринимала действия по предотвращению ее распространения: устраивала заставы и сажала потенциальных носителей болезни на карантин. Также она учредила «оспяные» дома. Главным итогом ее борьбы со страшными болезнями стало изменение мнения о пользе вакцинирования. Ее действия сформировали среди духовенства *образ чумы как медицинского заболевания, которое можно вылечить*.

После медицинских сюжетов ассистент кафедры зарубежного регионоведения *Ю. С. Шипицына* (Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург) обратилась к «путешествиям» растений между британским и российским дворами и своим выступлением закрыла последнюю секцию первого дня конференции. Ее доклад был посвящен истории передачи двух уникальных ботанических коллекций из

Англии в Россию (1795 и 1814)². Организацией подготовки и отправки коллекции от лица британского правительства занимался президент Лондонского королевского общества Джозеф Бэнкс. Адресатом необычного подарка стала супруга императора Павла I Мария Федоровна. В России история этих даров мало изучена, а следы коллекций считаются утерянными. Важным источником сведений стала сохранившаяся корреспонденция Дж. Бэнкса, которая, однако, в разное время была по-разному интерпретирована историками. Вопросы о целях и смыслах этих дипломатических даров по-прежнему остаются открытыми. Автор доклада обратила внимание на символическое значение передачи растений и взглянула на эту историю с точки зрения трансляции эпистемических добродетелей (утилитаризма, научного энтузиазма и др.). Во время обсуждения заслушанных докладов участники конференции согласились с обобщающим словом М. С. Киселевой, в котором она сказала, что выступления на самые разнообразные темы (от политики до ботаники и от истории до медицины) объединяет одна важная мысль — все-таки в XVIII столетии выстраивался общий порядок мира, в который несомненно была включена Россия.

Второй день конференции начался с доклада д-ра искусствоведения *О. Д. Баженовой* (Белорусский государственный университет, Минск) о шинуазри в придворном искусстве князей Радзивиллов XVIII века на Беларуси³. С открытием Китая в XVII–XVIII веках голландскими и английскими торговыми компаниями наступает эпоха шинуазри — нового по форме и идеологии европейского искусства, ориентированного на воспроизведение роскошного покоя, сказочной красоты, тонких ароматов, разнообразных тактильных ощущений и нового типа рефлексивных переживаний. Европейское искусство начинает освобождаться от жесткой внутренней геометричности, строгой законченности, переходя к пластической и асимметричной компоновке и детализации. В целом Европа открывает для себя ценность той роскоши, которую обязательно связывает с покоем. В радзивилловских резиденциях интерес к Востоку заметен с конца XVII века. На рынках Гданьска и Крулевца закупались для украшения княжеских дворцов разнообразные восточные товары. Переломными стали первые десятилетия XVIII века, когда княгиня Анна от закупки восточных раритетов перешла к подражанию им, открыв собственные мануфактуры по изготовлению предметов роскоши. К концу XVII — началу XVIII века пришло время изучения европейской наукой неизвестных китай-

² Текст доклада опубликован в этом номере.

³ Текст доклада опубликован в этом номере.

ских технологий, наступил период имитации форм китайского искусства, интерпретации китайских предметов роскоши на европейский лад.

Со следующим докладом выступила д-р филос. наук *О. А. Жукова* (ФГН НИУ ВШЭ, Москва). Он был посвящен русской версии эстетического универсализма барокко. Ольга Анатольевна показала, как язык барокко становился языком империи. Основной проблемой исследования является освоение художественного языка барокко русской культурой. Барокко, один из мощных стилей, будучи эмоционально насыщенным, воспроизводящим диалектику природного и божественного, материального и духовного, отражает пышность светских форм и гражданской архитектуры. В России XVIII века данный стиль демонстрировал одаренность авторов, выражал творческое переосмысление художественной системы, мастерское использование языка и создание новых структур и смыслов. Взрывной рост барокко пришелся на переход от петровского к елизаветинскому периоду и продолжился при Екатерине II. М. С. Киселева обратила внимание на то, что триумфальные врата во многом повторяют иконостас в церкви Св. Климента. *О. А. Жукова* согласилась с этим и добавила, что в XVIII веке имела место повторяемость языка барокко. *О. Д. Баженова* заметила, что в русском барокко произошло смещение центра и периферии, случилась задержка барокко в провинции. Она высказала предположение о возможном лидерстве русского барокко в Европе.

В докладе д-ра филос. наук *Т. В. Чумаковой* (Санкт-Петербургский государственный университет) на основании анализа различных письменных источников рассматривалась трансформация понятия «домострой» в русской культуре XVIII века. Тема «домостроя», взятая в широком контексте, включающем не только строительство отдельного «дома», но и «мира», входит в русский культурный контекст в XVI веке. Именно тогда в русле «дисциплинарной революции» предпринимаются попытки трансформации и унификации жизни социума. Анализ письменных источников показывает, как происходила трансформация «домостроя»: от появления в XVI веке русской адаптации греческих и византийских «Домостроев» к «Домострою» XVII века («Домострой» Кариона Истомина), который являлся кратким стихотворным изложением первого европейского кодекса поведения «для всех» (а не только для элиты). «Домостроительная» проблематика в XVIII веке существенно расширяется. Предыдущие смысловые слои не исчезают, они остаются в религиозной сфере, но добавляются новые. «Домостроительное» все чаще воспринимается как относящееся к экономике, примером является «Домостроение Аристотелеса...». Появляются также «домостроительные» тексты нехристианского происхождения, например «Та-Гио, или Великая наука». Эти тексты были переведены с польского и

французского языков. Они демонстрируют то, как молодая империя стремилась расширить свои культурные границы от Запада и до Дальнего Востока, а «домострой» становится «экономикой» и секуляризуется.

Тему «домостроя» в контексте воспитания продолжил д-р филос. наук *М. И. Микешин* (Санкт-Петербургский горный университет). Материалом для доклада послужили письма российского посла в Британии графа С. Р. Воронцова к сыну Михаилу⁴. Они свидетельствуют, что отец воспитывает сына как un honnête homme. В это воспитание входит и выстраивание отношений со своей страной. Отношения эти сын наследует от отца, но должен получить и обдумать собственные впечатления. Воронцов описывает концерт держав, имеющих свои интересы игроков на мировом поле, но вполне различает внутри каждой из них политические силы, за счет борьбы которых и складываются упомянутые интересы. Россия является во всех смыслах равноправным игроком на европейской арене, ее правители так же накапливают и теряют преимущества. Российские монархи, министры и дипломаты входят в единое европейское сообщество. Однако у России есть и свои долговременные интересы, определяемые ее природными и народными особенностями. Конкретные же решения правителей могут совпадать с этими интересами или противоречить им. Граф иногда прибегает к выражению «русский Бог». Служит он прежде всего своей стране, а уже затем государю. Быть русским для графа — это прежде всего понимать коренные интересы своей страны и работать на ее благо.

От воспитания и домостроительства участники и слушатели конференции перешли к закреплению в литературе военных успехов России. Д-р филол. наук *Л. А. Трахтенберг* (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва) представил в своем докладе обзор зарубежных откликов на поэму М. М. Хераскова «Чесмесский бой». Ее темой стала победа, одержанная русским флотом над турецким в Чесменской бухте в 1770 году. Это событие произвело сильное впечатление в Западной Европе. Неудивительно, что и посвященная победе поэма приобрела политическое значение. Вскоре после русского издания, которое вышло в 1771 году — на следующий год после сражения — были напечатаны ее прозаические переводы на французский и немецкий языки, предназначавшиеся, очевидно, для распространения за границей. Давно известно, что эти переводы сочувственно встретил издававшийся Х. Л. К. Бакмейстером в Санкт-Петербурге, Риге и Лейпциге журнал «Russische Bibliothek». Между тем зарубежных откликов на поэму было больше — по меньшей мере пять. О ней писали газеты и журналы Франции и Германии, в основном сочувственно. Можно сказать, что агитационная

⁴ Текст доклада опубликован в этом номере.

цель публикации поэмы была достигнута. В ходе дискуссии Е. Б. Смилянская отметила, что сюжет о переводе поэмы, представленный докладчиком, шел параллельно с задумками о визуализации боя.

После этого началась последняя секция конференции, которая традиционно отводится молодым исследователям. Открыла ее стажер-исследователь А. А. Жукова (МЛРИД НИУ ВШЭ, Москва). Темой ее доклада стала рецепция Петра Великого в трудах Вольтера. Среди европейских народов французы позже всех знакомятся с Московией — в конце XVII века, накануне петровских реформ, и уже в 1717 году приезд самого Петра I в Париж становится знаковым событием. После него во французской историографии начинает складываться его образ, а также представление о «варварстве» русских. В центре философских интересов Вольтера Петр I был на протяжении долгого времени. Так, в «Истории Карла XII» (1730) Петр представлен как законодатель и созидатель (в противоположность Карлу XII); в «Анекдотах о царе Петре Великом» (1748) французский просветитель сравнивает Петра с Прометеем, который несет огонь цивилизации соотечественникам; а в «Истории Российской империи при Петре Великом» (1759) он возвеличивает русского реформатора, нивелируя его недостатки, на которые указывали другие французы. А. А. Жукова также рассмотрела, каким образом пример Петра I помог Вольтеру решить проблему соотношения варварства и цивилизации, одну из основных для французского Просвещения.

Стажер-исследователь Р. Т. Девликамов (МЛРИД НИУ ВШЭ, Москва) выступил с докладом о том, какими Екатерина II и Емельян Пугачев предстали в политической мысли А. С. Пушкина. Решающую роль здесь играла этика. Такие концепты, как честь, вольность, милость и свобода, определяли отношение русского поэта к тем или иным политическим фигурам. В повести «Капитанская дочка» Екатерина и Пугачев возглавляли два противоборствующих лагеря — власть и бунтовщики. Как было показано в докладе, Пушкин далек от оправдания какой-либо из сторон конфликта. Им было обнаружено *неизбежное* кровавое противостояние, вызванное острыми социальными противоречиями. Но в повести писатель изображает Екатерину и Пугачева людьми, не растворившимися в политических интригах, а способными на милосердный поступок. И именно в милосердии Пушкин видит если не выход, то смягчение страшной борьбы. В ходе дискуссии В. К. Кантор подчеркнул, что сам Пушкин, несмотря на некоторую «очарованность» Пугачевым, считал его бунт — бунт орла — бессмысленным.

Тему рефлексии о героях русской истории продолжил стажер-исследователь Н. В. Рябчинский (МЛРИД НИУ ВШЭ, Москва), который прочитал доклад

об образе Петра в русской религиозной философии XX века. Россия к началу XX столетия подошла в состоянии глубокого экзистенциального кризиса, который ощутил и выразил Д. С. Мережковский. Его предчувствие заостряло внимание писателя к петровским реформам. Петр у Мережковского представлен как антихрист и первый русский нигилист, предвосхитивший ницшеанство, а петровские реформы он назвал террором. По сути, оставался один шаг до объявления Петра большевиком, что сделал позже М. Волошин. Более последовательно это осмыслил Н.А. Бердяев, назвавший Петра «большевиком на троне». Принимая во внимание столь резкую критику Петра русскими философами XX века, докладчик не согласился с В. К. Кантором в том, что большевизм является логическим отрицанием Петра.

С докладом о теории естественного права в политической философии А. Н. Радищева выступил магистрант *Т. И. Харитонов* (ФГН НИУ ВШЭ, Москва). Одним из значимых мотивов в российской политической мысли XVIII века является рецепция теории общественного договора Т. Гоббса, Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо. И особенное влияние этих авторов заметно в работах А. Н. Радищева. Хотя в его политических работах трудно найти рассуждения о самой сути общественного договора, Радищев все же часто прибегает к ней в чисто инструментальных целях при рассмотрении политических феноменов. В трактатах «О законодательстве» и «О самодержавстве» он представляет государство как «великую машину», совершенно нейтральный инструмент, ограничивающий свободу граждан ради чисто технической функции обеспечения их благосостояния. Он также четко обозначает границы функционирования государства и полагает ему предел в «естественных свободах» человека. Вопрос о происхождении права и о природных правах человека таким образом приобретает фундаментальную важность в его мировоззрении. Находя компромисс между индивидуализмом Локка и коллективизмом Руссо, Радищев предлагает собственную теорию права, в рамках которой государство, изначально выполняющее функцию гаранта частной собственности, адаптируется под волю народа, которому оно служит. При обсуждении доклада Ф. А. Гайда спросил, не является ли Наказ Екатерины II тоже попыткой создания теории общественного договора. По мнению Т. И. Харитонова, в Наказе, конечно, есть схожие мотивы, но их нельзя назвать примером цельной теории.

Закрыв секцию молодых исследователей, а вместе с ней и всю конференцию один из опытных участников мероприятия, канд. филос. наук *А. В. Мартынов* (МЛРИД НИУ ВШЭ, Москва) с обобщающим докладом, посвященным истокам и смыслам XVIII века в творческом наследии отца Александра Шмемана. Шмеман, крупный богослов русского зарубежья и исследователь культу-

ры, уделял большое внимание истории России. Одним из ключевых понятий его историософской концепции был XVIII век. Петровские реформы и последующая вестернизация активировали заложенный в отечественной культуре потенциал. Синтез западной и русской цивилизаций позволил немедленно вступить последней в собственный «золотой век». Шмеман указывал, что при этом внешне отсутствовала прямая линия развития и преемство, как это было в Европе (Шекспир и Чосер). Тем не менее в период «невегласия» в невербальных формах и интуитивно культура уже была подготовлена к расцвету. Таким образом, по мнению о. Александра, петровская вестернизация дала «технику выражения». Одновременно теолог обращал внимание на парадокс: чуждые, привнесенные Петром реформы тем не менее способствовали последующему расцвету Российской империи. Именно они позволили выразить предшествующий опыт и в конечном итоге стать частью нового национального опыта. Связь Запада и России изначально шла через Византию. Московский период разрушил ее. Поэтому, писал Шмеман, «прорубая окно в Европу, Петр Великий не разрушал, а восстанавливал, хотя бы грубо и насильно, ту взаимную связь, вне которых России духовно грозили удушение и склероз». Таким образом, своим докладом А. В. Мартынов подтвердил главную мысль конференции, красной нитью прошедшую через все выступления: XVIII век выстроил общий порядок мира, в котором сосуществовали как равные субъекты отношений в едином интеллектуальном, политическом и экономическом пространстве Россия и страны Европы.

Завершилась международная конференция заключительным словом В. К. Кантора и М. С. Киселевой. Они сказали, что прошедшее мероприятие — большая удача. Редко когда случаются конференции, из программы которых не выпал бы ни один доклад. Более того, ни одно выступление не оказалось «пустым» — все участники внесли свой вклад в раскрытие двух глобальных исследовательских задач: выяснение концепта «общий порядок мира» и анализ культурных преобразований в России и Европе XVIII века. XVIII столетие подарило нам общий порядок мира, но как этот новый порядок будет функционировать? С какими вызовами ему придется столкнуться и почему? Эти вопросы открывают большое интеллектуальное пространство для дальнейших дискуссий, а многие темы, затронутые в эти два насыщенных дня, станут предметом будущих обсуждений участников и слушателей конференции.

Информация об авторе: Ренард Тимурович Девликамов — стажер-исследователь Международной лаборатории исследований русско-европейского ин-

теллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4.

Information about the author: Renard T. Devlikamov — Research Assistant at the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.07.2023;
одобрена после рецензирования 01.09.2023;
принята к публикации 10.09.2023.

The article was submitted 25.07.2023;
approved after reviewing 01.09.2023;
accepted for publication 10.09.2023.